

Цзян Цзыя и сам лично брался за дело: рубил дрова, носил воду, варил рис, подметал соломенную хижину, усердно заботился о пище и повседневном отдыхе учителя, выказывал почтительность и сыновнюю почтительность, не проявляя и тени ученической заносчивости. Хотя он был одарован от природы непревзойденными талантами, он оставался скромным, мягким, простым, добросердечным и благожелательным.

Годы в горах протекали безмятежно, вдали от мирской суеты и смут. Здесь не было слышно шума воинов Инь-Шан, не было видно страданий беженцев — лишь чистый ветер да светлая луна, древние кипарисы и духовные деревья, наставления учителя и упорные дневные и ночные тренировки.

Проведя на вершине горы Суншань несколько лет, Цзян Цзыя из тощего четырнадцатилетнего юнца постепенно превратился в статного юношу с крепким телосложением, спокойным нравом, пронизательным взглядом и глубокими познаниями в тайных искусствах.

В тот день Сюань Вэйцзы сидел, скрестив ноги на гладком синем камне, и глядел на далекий небосвод, созерцая духовные эманации: срок правления жестоких правителей Шан подходил к концу, а ци истинного монарха уже незримо поднималась на западе, в Сици. Колесо Небесной Воли вращалось, нужный час приближался, и для его ученика настало время спуститься с гор, чтобы спасти мир, помочь мудрому правителю и водворить порядок в Поднебесной.

Старец, держа в руке мухобойку, легко вздохнул, с серьезным и строгим выражением лица посмотрел на почтительно стоявшего рядом Цзян Цзыя и промолвил:

— Цзыя, ты обучался у меня несколько лет, и все мои сокровища мастерства ты полностью постиг и объединил в единое целое — во всей Поднебесной не найдется никого, кто мог бы сравниться с тобой. Ныне час пробил, тирания Шан рушится, на западе восходит мудрый правитель, а простой народ тоскует по миру. Тебе больше нельзя оставаться отшельником на горе Суншань, нужно спуститься с гор на запад, направиться в Сици, отыскать истинного государя и применить всё, чему ты научился, чтобы укрепить государство, успокоить народ, избавить людей от огня и воды, исполнить великий Путь твоего сердца и следовать предначертанию Небес.

Услышав это, Цзян Цзыя опустился на колени, залился слезами и, почтительно касаясь лбом земли, произнес:

— Учитель, ученик не хочет спускаться с гор! Я желаю до конца дней служить учителю, рубить дрова и носить воду, состариться на горе Суншань и не желаю вновь погружаться в хаос бренного мира, не хочу покидать сторону учителя!

Сюань Вэйцзы мягко произнес:

— Я знаю о твоей сыновней почтительности, но Небесную Волю нельзя нарушить, а чаяния народа нельзя предать. Ты рожден, чтобы спасти Поднебесную, а не для того, чтобы охранять одну лишь гору.

Цзян Цзыя со слезами возразил:

— Но в мире смуты и опасности, кругом полно подлецов! Если ученик уйдет, боюсь, у него больше не представится возможности служить учителю!

Сюань Вэйцзы вздохнул:

— Когда в Поднебесной воцарится мир, ты сам вернешься. Если же ты не добьешься успеха, то хоть я и обитаю в бессмертных горах, сердце мое не будет знать покоя.

Цзян Цзыя поклонился:

— Учитель...

Сюань Вэйцзы легко коснулся его макушки, и голос его звучал мягко, но твердо:

— Запомни же шесть изречений:

В прямом ищи изгиб, в согбенном — прямоту.

В безмолвье жди свой час, не требуй превозмочь.

Будь верен господину, успокой народ.

Сокрытым держи ум, являй свое невежество.

Не жажди наград, не цепляйся за власть.

Храни человечность и долг — усмиришь мирозданье.

Если сумеешь их соблюсти, то не посрамишь ни меня, ни весь мир.

Цзян Цзыя сквозь слезы ответил:

— Ученик не забудет ни единого слова, запомнит их на вечные времена!

Сюань Вэйцзы слегка кивнул, достал древний простой даосский талисман, свиток с нарисованной от руки полной картой горных цепей и водных жил, а также пучок тысячелетних стеблей тысячелистника и протянул ему:

— Носи эти три вещи при себе, в часы будущих невзгод они сослужат тебе добрую службу. Спускайся с гор, не оглядываясь назад. День, когда в Поднебесной воцарится мир, станет днем нашей новой встречи с тобой, учитель и ученик.

Цзян Цзыя принял три предмета, спрятал их у самого сердца и вновь тяжело поклонился до земли:

— Ученик прощается с учителем! Желаю учителю телесного здоровья, долгого пребывания на горе Суншань, свободы и безмятежности!

Сюань Вэйцзы взмахнул мухобойкой:

— ступай. Дорога в Сици долга, береги себя.

— Ученик будет помнить!

В последний раз взглянув на хижину, древние кипарисы, чистый ветер и ясную луну, бросив прощальный взгляд на поседевшего учителя, он глубоко поклонился, повернулся и зашагал процветая, сходя с горы Суншань, шаг за шагом ступая в суровую мирскую смуту, направляясь на запад, в Сици, туда, куда звала его Небесная Воля...

На вершине горы Сюань Вэйцзы молча стоял с мухобойкой в руке, глядя, как одинокая и твердая фигура ученика постепенно растворяется среди облаков и горных хребтов. В его старых глазах светились надежда и умиротворение, и он тихо промолвил:

— Мир в Поднебесной уже не за горами.

Стоявший рядом юный храмовый служака тихо спросил:

— Учитель, а старший братец Цзян еще вернется?

Сюань Вэйцзы улыбнулся:

— Вернется. Когда в Поднебесной утихнут войны и все люди обретут покой, он непременно вернется и составит мне компанию, чтобы вместе любоваться красотами горы Суншань.

Попрощавшись с Сюань Вэйцзы, Цзян Цзя в одиночестве спустился с горы Суншань. На поясе у него висел подаренный учителем древний даосский талисман, за пазухой лежали полная карта водных жил и тысячелетний тысячелистник. Одетый в простую синюю рубаху из грубой ткани и обутый в соломенные лапти, он не взял с собой ни малейшего багажа — лишь пустой бамбуковый свиток да кисть для сосновой туши. Следуя вдоль древнего русла Хуанхэ, он отправился в путь на запад.

Следуя заветам учителя, он не пользовался ни повозкой, ни конем, ступая по твердой земле и измеряя горы и реки собственными шагами. Днем он шел по дорогам, изучая рельеф местности, наблюдая за фэн-шуй и запоминая заставы; ночи же проводил в заброшенных деревнях, древних храмах, полуразрушенных кумирнях или среди лесов. Разведя костер из сухих сучьев, при свете звезд он тщательно вычерчивал на бамбуковых плашках карту, кропотливо помечая изгибы горных хребтов, направления рек, расположение городов, кручи застав, расселение селений, места бывших зернохранилищ и следы старых полей сражений, не смея упустить ни мельчайшей детали.

Чистый горный ветер служил ему спутником, а грохот желтых вод Хуанхэ — песней. Там, где еще не касалось пламя смуты, сохранялось немало дикой тишины и покоя, но стоило войти в уездный город или область, как на него со всех сторон обрушивались следы страшных разрушений, разительно отличавшихся от суншаньской обители бессмертных.

В тот день он добрался до переправы в среднем течении Хуанхэ, носившей название Мэнцзинь. Река здесь была широкой и бурной, мутные волны грохотали, а у переправы толпилось мало лодок. Люди, шедшие туда и обратно, выглядели желтолицыми и исхудалыми, одетыми в лохмотья; они тащили на плечах и в руках ветрхий скарб, волоча за собой семьи и ступая шатающейся походкой — все они были беженцами, спасавшимися от родных очагов. Цзян Цзыя остановился у берега, поднял глаза и всмотрелся в эманации: небо над переправой было опутано зловещей ци обиды, а тяжелая тоска почти застилала солнце. Это зрелище разительно отличалось от чистой и благодатной ци горы Суншань, и сердце его внезапно упало, отозвавшись глухим вздохом.

Отыскав уединенную речную косу, он разложил бамбуковые планки и уже собирался нанести на карту рельеф переправы Мэнцзинь, глубину воды, ширину фарватера и оборонительные сооружения по обоим берегам, как вдруг за спиной послышались торопливые шаги, смешанные с детским плачем и мольбами женщины.

Цзян Цзыя обернулся и увидел трех воинов в доспехах армий Шан, которые с длинными алебардами наперевес грубо толкали пару беженцев. Маленький ребенок на руках женщины заливался испуганным криком, а мужчина заслонял собой жену и дитя, с бледным лицом умоляя о пощаде.

Главный из воинов, с лицом, покрытым жирными складками, громовым голосом рявкнул:

— Вы, ничтожная чернь, уклоняетесь от налогов да еще смеее здесь околачиваться! Немедленно выкладывайте сухой пайк и серебро, что при вас, иначе пойдете как беглые преступники — всех отправлю в армейский лагерь на каторжные работы!

Мужчина опустил на колени, оглашая землю ударами лба, и залился слезами:

— Смилуйтесь, господа военные! У бедного меня сильные мира сего отобрали поля, налоги платить нечем, а дом сожгли мятежные солдаты. Осталась лишь эта малость съестного, только этим и спасаем детей, умоляю, проявите милосердие!

— Хватит болтать! — воин ударом сапога сбил мужчину с ног и протянул руку к свертку на руках женщины. — По законам вана Шан имущество беглых подлежит полной конфискации, кто посмеет противиться — смерть на месте!

Женщина задрожала всем телом, судорожно прижимая к себе ребенка, и зашлась в рыданиях:

— Не надо... умоляю вас... ребенок еще такой маленький...

Окружавшие их беженцы кипели гневом, но не смели сказать ни слова, понуро отводя глаза — в их взглядах читались лишь страх и отчаяние. Увидев это, Цзян Цзыя блеснул холодным взором, но, твердо помня завет учителя хранить острое лезвие сокрытым и выжидать удобного часа, не стал бросаться в бой немедленно. Он лишь медленно шагнул вперед, сложил руки в приветствии и произнес ровным, спокойным голосом:

— Три господина военных, умерьте свой гнев.

Воин повернулся, смерил Цзян Цзыя взглядом и увидел просто одетого человека, но статного, с чистым лицом и пронизательным взглядом. Хотя на нем не было роскошных одежд, от него веяло удивительным спокойствием и достоинством, совсем не похожим на обычного бродягу, поэтому вояка не посмел относиться к нему с легкостью и строго рявкнул:

— Ты кто такой? Смеешь вмешиваться в дела армии?

Цзян Цзыя мягко ответил:

— Я Цзян Шан, простой странствующий книжник. Проходя мимо, я заметил, что у вас, господа военные, хлопот полон рот, а эта семья беженцев и вовсе загнана в угол: у них остался лишь малолетний ребенок да полмешка зерна. Даже если забрать все до крошки, никакой пользы от этого не будет, а вот три человеческие жизни сгубите — ни славы воинам от этого не прибавится, ни законам вана Шан это не соответствует. Хотя ван Шан суров, он издал строгий указ проявлять милосердие к беженцам и успокаивать народ. Если же безнаказанно убивать невинных и грабить их добро, это вызовет народный ропот и нарушит установления верхов.

Главный солдат изменился в лице и разъярился:

— Ты, книжка ты заурядная, смеешь нас поучать?! Не боишься, что и тебя скрутим вместе с ними?

Выражение лица Цзян Цзыя ничуть не изменилось. Он спокойно смотрел в глаза солдату, и во взгляде его таилась суровая, несокрушимая праведность, внушающая невольный трепет без всякого гнева:

— Умерьте гнев, господа. Я вовсе не бросаю вам вызов, а лишь пекусь о вашей же пользе. Здесь, у переправы Мэнцзинь, много проходящих людей. Если вести о сегодняшнем дне разойдутся и все станут говорить, что воины Шан убивают беззащитных беженцев и грабят чужое имущество, простолюдины отвернутся от вас еще сильнее. А когда сверху начнутся расспросы, вам, воинам, будет трудно нести за это ответственность. Не лучше ли проявить великодушие, отпустить эту семью? И проявите благородство, и закон не нарушите — разве не польза со всех сторон?

Речи его были неторопливы, логичны, а каждое слово попадало в самую цель. Солдаты испуганно переглянулись; при всей своей злобе они не осмеливались перегибать палку. В смутные времена военная дисциплина хромала, но никто не хотел нарваться на крупные неприятности и навлечь на себя гнев начальства. Этот ученый муж выглядел необычно, а говорил умно и обоснованно — он явно не был простым прохожим.

Главарь воинов хмыкнул и опустил алебарду:

— Считай, вам повезло! Сегодня ради этого господина даруем вам жизни, убирайтесь отсюда живо и больше не мозольте нам глаза!

Супруги словно заново родились. Они многократно кланялись, благодаря воинов, а затем глубоко поклонились Цзян Цзыя:

— Благодарим учителя за спасение жизней! Вашу великую милость мы не забудем во веки веков!

Цзян Цзыя торопливо поднял их и мягко произнес:

— Вставайте скорее, берите ребенка и уходите быстрее. Направляйтесь на запад, земли Сици относительно спокойны, быть может, там вы найдете путь к выживанию.

— Благодарим учителя за наставление! — муж с женой прижали к груди ребенка, осыпая его благодарностями, затерялись среди толпы беженцев и поспешно двинулись на запад.

Окружавшие переправу беженцы сошлись ближе, складывая руки перед Цзян Цзыя в знак благодарности — на всех лицах читалось глубокое признание.

Один седовласый старик шагнул вперед, дрожаще сложив руки:

— Учитель так милосерден и добр, что осмелился спорить с солдатами и спас семью от смерти — поистине редкий человек! Ныне Поднебесная ввергнута в хаос, ди Чжоу из Шан безумствует, налоги тяжелы, повинности бесконечны, сильные мира сего бесчинствуют, солдаты грабят, народ скитается в изгнании, люди едят собственных детей и варят кости вместо дров — так жить больше невозможно!

Цзян Цзыя почувствовал, как сердце его сжалось от боли, и поклонился в ответ:

— Тяжело вам приходится, отец мой. Я шел на запад и всюду видел лишь толпы беженцев, заброшенные поля, опустевшие города. Сроки правления Шан исчерпаны, народ изнемогает под бременем, и все это я вижу своими глазами, отчего сердце мое обливается кровью.

Старик вздохнул:

— Раз учитель понимает великий ход вещей, подскажите, где же искать спасения? До нас доходили слухи, что на западе, в Сици, Сибо-хоу Цзи Чан отличается добротой и человеколюбием, снизил налоги, щедро проводит благую политику, приветчает беженцев, распахивает целину и наполняет зернохранилища. Говорят, народ там живет в мире и довольстве, по вечерам не запирает двери, а на дорогах не подбирает оброненного. Правда ли это?

Цзян Цзыя кивнул, и голос его прозвучал твердо:

— Истинная правда. Учитель сказывал, что в Сици явился благий знак феникса, поднимается пурпурная ци, а Сибо-хоу Цзи Чан — истинный мудрый государь, почитающий Небо и защищающий народ, уважающий людей знания и привлекающий таланты, полная противоположность тирану ди Чжоу из Шан. Если вы направитесь на запад, на земли Сици, то непременно обретете надежный кров и забудете о горьких скитаниях.

Услышав это, беженцы зажгли в глазах огонь надежды и, не сдержавшись, заплакали от

радости.

— Благодарим учителя за весть! Мы немедленно отправляемся на запад, под сень Сици!

— Наконец-то у нас есть надежда на жизнь! Если удастся найти защиту у Сибо-хоу, мы с радостью отдадим за это жизнь!

Цзян Цзя мягко произнес:

— Берегите себя в дороге. Путь в Сици далек, впереди много опасностей, помните — держитесь вместе, помогайте друг другу и избегайте бродячих отрядов и свирепых зверей.

Люди еще раз поблагодарили его и дружно двинулись на запад. Цзян Цзя смотрел вслед удаляющимся беженцам, глядел на бурные воды Желтой реки. Всматриваясь в эманации, он видел, как в стороне столицы Шан на востоке клубится злоба и поднимается мрачная ци, тогда как на западе, в Сици, пурпурная ци густеет, а светлая энергия растет. Сравнение тьмы и света было разительным, и его решимость отправиться на запад стала еще крепче.

Отвернув взгляд, он продолжил кропотливо наносить на бамбуковые планки рельеф Мэнцзиня: переправа Мэнцзинь, ширина реки три ли, течение стремительное, южный берег ровный и пологий, северный — крутые скалы, легко оборонять, трудно атаковать; на южном берегу можно устроить засаду, на северном — основать водный лагерь, перекрыв естественные преграды Хуанхэ, место стратегическое, за которое стоит сражаться; в десяти ли к западу от переправы лежат холмы и густые леса, где можно укрыть десятки тысяч отборных воинов; в двадцати ли к востоку — заброшенные зернохранилища соцелевшими фундаментами, их можно восстановить для складирования продовольствия; поблизости вдоволь воды и плодородной земли, после замирения можно будет распахивать поля и расселять беженцев... Каждая черта и каждый штрих были выписаны с мельчайшей точностью, горные кручи и стратегия ведения войны скрывались в этих строках.

С тех пор на всем пути на запад, через каждый город и селение, каждый холм и овраг, каждую заставу и ущелье, Цзян Цзя останавливался для тщательного осмотра, не позволяя себе ни малейшей небрежности.

Добравшись до старого поля битвы времен Инь-Шан, он увидел повсюду обломки копий, сломанные мечи и груды белых костей. Высокая трава скрывала землю по колена, и холодный ветер свистел над равниной. Оценивая эманации, он заметил, что это место окутано мрачной зловещей ци, которая не рассеивалась годами — это была застарелая обитель скорби, накопившаяся за столетия войн.

Цзян Цзя встал на заброшенном кургане и со свитком в руке принялся вглядываться в очертания местности: с трех сторон это место окружали горы, с одной стороны простиралась равнина, а просторная середина представляла собой идеальное поле для генерального сражения. В горах скрывались тайные тропы, позволяющие совершить неожиданный удар в тыл врагу; ровная гладь равнины была удобна для стремительного штурма конницы; у подножия гор журчал ручей, позволяющий отрезать противника от воды. Он мысленно

отметил: здесь можно построить расставляющий сети строй для окружения или превратить это место в укрепленный бастион, но из-за избытка зловещей ци задерживаться тут надолго не стоит, а в случае войны нужно действовать быстро, не допуская затягивания.

Случайно встретив местного выжившего старого охотника, Цзян Цзыя подошел к нему, сложив руки:

— Отец мой, столетие назад здесь гремела великая битва, не поведаешь ли о подробностях?

Увидев его учтивость и мягкость, старый охотник охотно рассказал:

— Вы, господин, не знаете, а это место было ареной решающего сражения между ранним Шан и Дунъи. Обе стороны потеряли сотни тысяч убитыми, трупы валялись горами, и с тех пор в ненастные дни здесь слышны стоны призраков, так что никто не осмеливается приближаться. Победа раннего Шан тогда стала возможной лишь потому, что они заняли горные высоты и перекрыли пути подвоза провизии для Дунъи, лишив их тылов, и лишь так одержали верх малой силой над большой.

Цзян Цзыя кивнул с одобрением:

— Предки раннего Шан тоже понимали толк в стратегии, занимали выгодные высоты и ставили во главу угла покорение сердец. Жаль лишь, что их потомки сбились с пути, отринули человечность, увлеклись жестокими наказаниями, потеряли народную любовь, утратили выгодные земли и Небесную Волю — в конце концов их ждет крах.

Старый охотник вздохнул:

— Ваши слова истинны, господин! Ныне ван Шан потекает Дацзи, злоупотребляет пытками паолао и чайпэнь, истребляет преданных министров, вырывает сердце у Би Ганя и рубит на куски мясо Бо Икао. Князья отвернулись от него, народ восстает, Поднебесная уже давно бурлит от народного гнева, дожидаясь лишь прихода мудрого государя, который наведет порядок и спасет простой народ от огня и воды!

Цзян Цзыя сурово промолвил:

— Мудрый государь уже на Сици, и мирное время не за горами.

Глаза старого охотника заблестели:

— Уж не направляетесь ли вы, господин, в Сици, чтобы помочь мудрому Сибо-хоу?

Цзян Цзыя слегка улыбнулся, не подтверждая и не опровергая:

— Я всего лишь простолюдин, желающий найти истинного государя, чтобы внести свою скромную лепту в дело умиротворения Поднебесной, остановить войны и принести людям покой.

Старый охотник опустился на колени и поклонился:

— Если вы сможете помочь Сибо-хоу усмирить смуту, народ будет бесконечно благодарен! Старик ничем не может отплатить, но готов указать вам окрестные горные тропы и овраги: где пролегают тайные тропы, где есть источники воды, где возвышаются кручи и где легко заблудиться — обо всем расскажу без утайки!

Цзян Цзя поспешно поднял старика и с благодарностью произнес:

— Благодарю за доброту, отец мой, премного обязан!

Старый охотник без утайки поведал обо всем: о рельефе местности на десятки ли вокруг, горных дорогах, источниках, густых лесах и заставах. Цзян Цзя слушал предельно сосредоточенно, занося каждое слово на бамбуковые планки, не пропуская ни единой детали.

Перед расставанием старик достал оставшуюся у него дома половину мешка проса и стал настойчиво предлагать ее Цзян Цзя:

— Господин идет на запад, питаюсь под открытым небом, сухой паек вам наверняка необходим. Хоть припасок и скуден, примите его!

Не сумев отказаться, Цзян Цзя принял дар, чувствуя, как в груди разливается тепло: в смутные времена нет ничего дороже искренней доброты простых людей.

Добравшись до разрушенного уездного города, он увидел обвалившиеся городские ворота и обветшалые стены. Дома внутри пустовали, заросшие сорной травой, и лишь немногие старики, больные и немощные оставались в них, влача жалкое существование. Войдя в город, Цзян Цзя огляделся: эманации говорили о мертвенности и полном отсутствии жизни. Зернохранилища были пусты, колодцы пересохли, улицы завалены мусором — кругом царило уныние.

Одна из оставшихся старух сжалась в углу полуразрушенной хижины, находясь при смерти. Увидев это, Цзян Цзя достал подаренное стариком просо, сварил пожилую женщину пожиже и осторожно покормил ее ложкой.

Старуха медленно открыла глаза, посмотрела на Цзян Цзя, и по ее щекам покатились слезы:

— Господин... добрый человек... сколько лет прошло, никто не заглядывал к нам, старым костям... Солдаты Шан приходили грабить зерно, мятежники поджигали дома, молодежь разбежалась, остались лишь мы, кто не может сдвинуться с места, дожидаясь смерти...

Сердце Цзян Цзя пронзила боль, и он мягко утешил ее:

— Не бойся, матушка. Сибо-хоу из Сици вскоре поднимет справедливое войско, чтобы покарать тиранов и защитить народ. Здесь скоро настанет мир, беженцы вернутся по домам, распашут поля и отстроят очаги — жизнь непременно возродится.

Старуха немощно переспросила:

— Прав... правда ли это? Сможем ли мы дожить до того дня? Чиновники бросили нас, бандиты бросили нас, даже Небо и Земля забыли о нас...

Цзян Цзя твердо кивнул:

— У Неба и Земли есть своя справедливость, а чаяния сердец никогда не оставляют народ на произвол судьбы. Просто время еще не пришло, свет еще не воссиял, но это не значит, что мрак вечен.

— И... и сколько же еще ждать? Мои старые кости совсем прогнили, боюсь, не дотяну до спокойных времен.

Цзян Цзя тихо ответил:

— Ждать осталось недолго. Пока людские сердца не распались, Небесная Воля повернется вспять. Береги себя, матушка, лишь дотяни до прихода войск из Сици — и тогда конец страданиям.

— Если придет такой день, то даже на том свете я буду бить челом и благодарить вас, господин, и Сибо-хоу...

Вздохнув, Цзян Цзя не стал больше говорить, лишь подвинул чашку с кашей чуть ближе:

— Подкрепи силы. Только живя, обретаешь надежду.

Он оставил старухе немного зерна, а затем осмотрел рельеф уезда: город лежал на перекрестке путей, соединявших восток и запад. Хотя стены рухнули, фундамент остался прочным, и после восстановления здесь можно было держать гарнизон. Вокруг города вилась река, воду которой можно было использовать для нужд обороны и орошения полей. В окрестных горах таились залежи руды, годной дляковки оружия и сельскохозяйственных орудий, а просторные городские площади позволяли возвести жилища, амбары и рынки. Все это он занес на карту, мысленно рассуждая: в будущем, когда порядок в Поднебесной восстановится, этот город станет важнейшим военным и жизненным центром.

Продолжая путь на запад, преодолевая тысячи ли дороги, Цзян Цзя спал под открытым небом, утолял жажду речной водой, питался дикими плодами и скудным пайком, ночуя в разрушенных кумирнях и горных лесах. Он пережил ветры, дожди, грозы, палящий зной и мороз, сталкивался с грабежами мятежников, нападениями диких зверей и разбойников, но всегда сохранял невозмутимость и, опираясь на переданные учителем искусства физиогномики, созерцания ци, военные стратегии и житейскую мудрость, раз за разом выходил сухим из воды.

В один из дней, проходя через густой лес, он внезапно услышал свист, разнесшийся среди деревьев. Десяток дюжих молодцов с ножами и дубинами преградили дорогу. Предводитель

бандитов со шрамом на лице и мощным торсом рявкнул:

— Путники, оставляйте припасы и добро, тогда сохраните жизни! Иначе не обещаем пощады нашим клинкам!

Сопровождавшие его беженцы испуганно побледнели и начали прятаться за спину Цзян Цзыя. Кто-то испуганно шепнул:

— Господин, это разбойники! Давайте бежать!

Цзян Цзыя знаком велел людям сохранять спокойствие, сам же неторопливо шагнул вперед, с мирным выражением лица произнес:

— Братья преградили путь ради наживы или у вас старые счеты?

Главарь со шрамом нахмурился:

— Хватит болтать! В смутное время тот прав, у кого сила да деньги! Выкладывайте добро немедленно, иначе повяжем всех до единого!

Взглянув на лица разбойников, Цзян Цзыя понял, что все они — простые крестьяне, доведенные до отчаяния нуждой и сбившиеся с пути от безысходности, а вовсе не закоренелые злодеи. Поэтому он не стал обнажать оружие и мягко принялся убеждать их, разъясняя выгоду и вред:

— Братья, вы все родом из честных семей, но из-за бедствий смутного времени ушли в разбойники. Грабеж и убийства — дело недолговечное, грядет кара правительственных войск, и вас ждет гибель. Не лучше ли отправиться на запад, в Сици? Сибо-хоу человеколюбив, он заботится о народе, раздает целину и наделяет землей, чтобы каждый жил в достатке и мире. Разве это не лучше, чем жить на лезвие ножа?

Главарь усмехнулся, крепче сжимая железную палку:

— Пустые слова! Сици далеко на краю света, а мы голодаем прямо сейчас, как нам туда добраться? К тому же, все князья Поднебесной одинаковы — только и знают, что притесняют народ. Ты говоришь, что Сибо-хоу милосерден, кто это докажет?

— Я докажу тем, что видел своими глазами по дороге, — твердо ответил Цзян Цзыя. — На землях Сици беженцы имеют кров, пахари — землю, нет непосильных налогов и насильственного призыва. Чиновники не угнетают народ, солдаты не притесняют простых людей. Об этом мне говорили бесчисленные скитальцы по пути сюда, и это чистая правда.

Один из разбойников тихонько толкнул товарища:

— Главарь, я тоже слышал от беглецов, что в Сици всё намного лучше...

Другой добавил шепотом:

— Сидеть в лесу, дрожа от страха, и рано или поздно быть уничтоженным карателями — может, и впрямь податься в Сици, попытать удачи.

Выражение лица главаря слегка смягчилось, но он по-прежнему пытался держаться с угрожающим видом:

— Пусть в Сици хорошо, но примут ли они нас, разбойников? А вдруг нас схватят и казнят — не сами ли мы придем в ловушку?

Цзян Цзыя произнес:

— Сибо-хоу ценит добро и зло, а не происхождение.

<http://bllate.org/book/19338/1890990>